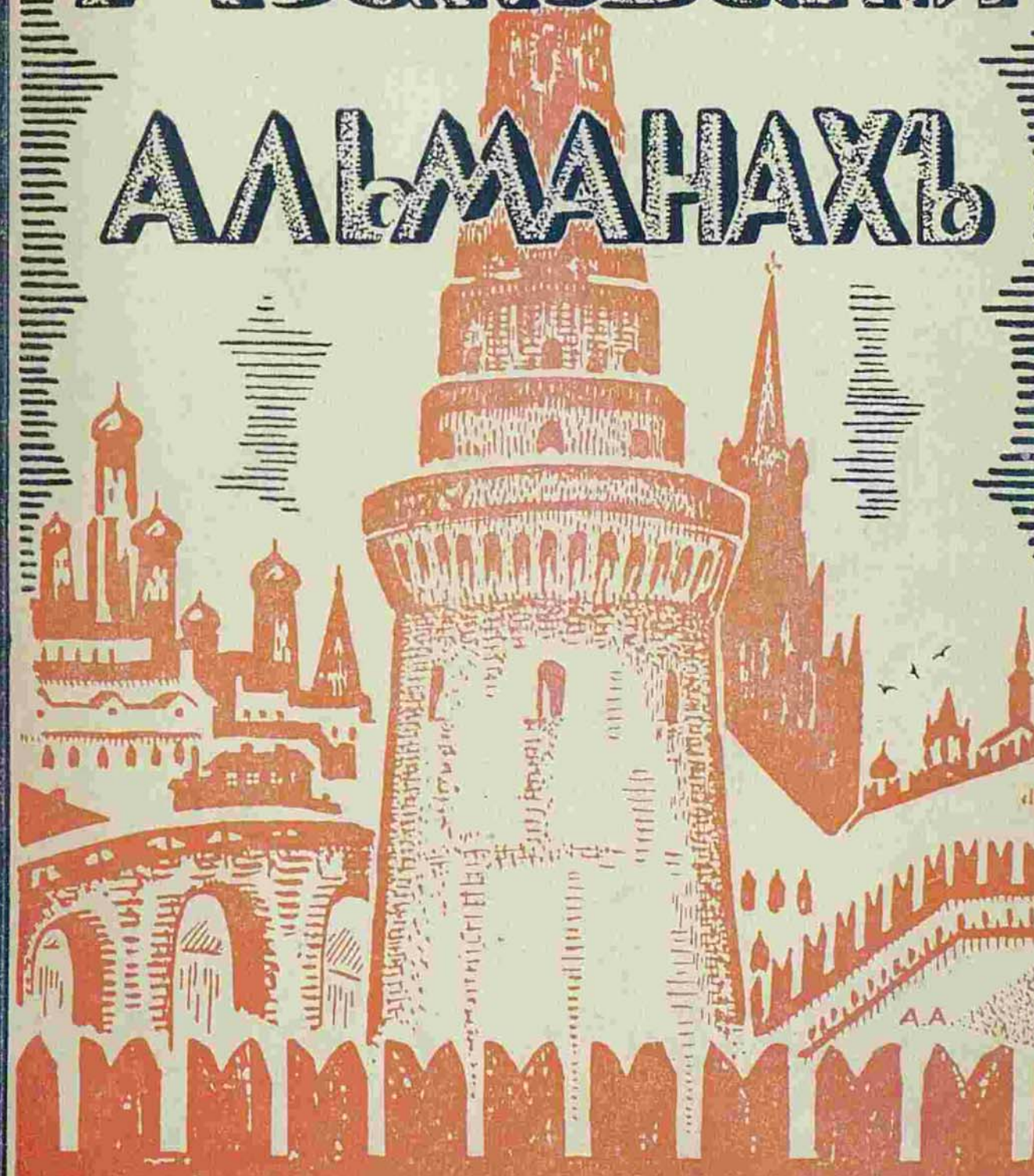

A 520

МОСКОВСКИЙ

АЛЬМАНАХЪ

*Рисунокъ обложки работы
Александра Арнштама.*

A 520

МОСКОВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ

ОГОНЬКИ
БЕРЛИНЪ
1922

XXX-47

Всѣ права сохранены за авторами.

2007083307

Верлинъ, 6 Апрѣля 1922 года.

Встрѣча авторовъ подъ покровомъ одной, ихъ сплетающей, книги, должна не случайна быть. Случайно иль неслучайно здѣсь, въ этой книгѣ, встрѣча насъ. Думаю — нѣтъ: и тѣмъ болѣе неслучайна, чѣмъ меньше абстрактныхъ мотивовъ можемъ мы, авторы, привести по поводу возникновенія „Альманаха“. Въ самомъ дѣлѣ: книга, въ которой мы встрѣтились, сложилась — сама собой; и въ ней оказались мы, не размышляя о томъ, почему именно въ ней тѣ, а не иные. Въ произвольности возникновенія „Альманаха“, быть можетъ, читателю запечатлѣтся жестъ какого то избирательного сродства въ литературныхъ заданіяхъ и устремленіяхъ нашихъ, хотя мы различны по стилю, быть можетъ, по школамъ, по стилистическимъ устремленіямъ.

И тѣмъ не менѣе мы оказались вмѣстѣ.

Такъ пусть же читатель самъ судить, является ли „Альманахъ“ случайнымъ наборомъ произведеній, глядящихъ въ различныя стороны, или выборъ произведеній является собою вѣнокъ, гармонично сплетенный изъ творчествъ, разнообразно окрашенныхъ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

„Я“

(СУМАСШЕДШЕЕ)

Предлагаемый вниманию этюдъ есть отрывокъ изъ повѣсти „Записки Чудака“. Содержаніе „Я“ — вѣроятно покажется страннымъ. Прошу я читателя воспринимать эти строки — ну такъ, какъ воспринимаетъ онъ „Записки Сумасшедшаго“ Гоголя. Если въ этихъ послѣднихъ запискахъ герой вообразилъ себя испанскимъ королемъ, то въ предлагаемомъ очеркѣ герой „Я“ воображаетъ, что въ него опустилось Я міровое — въ пробитое темя; произошло неописуемое событіе это, соединенье съ сознаньемъ космическихъ, — въ Бергенѣ (на горахъ); и — три года назадъ. Подплывая черезъ три года къ Бергену, герой, вызванный въ Россію (отбывать военную службу), не понимаетъ, на какую же родину онъ возвращается: на тѣлесную родину, иль на — духовную родину; онъ чувствуетъ, что его „Я“ раздѣляется; одна половина несомнѣнно же сходитъ съ ума; а другая — чувствуетъ себя чашей, Граалемъ, въ который спускается духъ; перемѣщеніемъ сознанія страдаетъ герой „Я“.

Я въ моей „Эпопее“ надѣюсь съ достаточной ясностью показать: перемѣщенья сознанія могутъ кончиться и не однимъ сумасшествіемъ, а чѣмъ-то бѣльшимъ, о чемъ говоритъ Ангелъ Силезскій.

Gott mag nicht ohne mich ein einzig's
Würmlein machen.

Er habt ich's nicht mit ihns, so muss er
stracks zukrachen.

Ну, въ сторону всѣхъ: воспринимайте „Я“ такъ, какъ воспринимаете вы „Записки Сумасшедшаго“ Гоголя. Въ сторону немногихъ: я описываю совершенно реалистически факты сознанія, съ которыми скоро мы встрѣтимся въ жизни; мы на порогѣ образованія въ насъ новыхъ душевныхъ болѣзней; но — помните: не всѣ болѣзни — болѣзни; средь новыхъ болѣзней и — пропасти новаго сверхчеловѣческаго сознанія.

Берлинъ, 20. II. 22 года.

Авторъ.

ТО — СМЕРТЬ.

Длилась ночь.

Посрединѣ пространства летающей палубы я прислонился къ трубѣ парохода: летали пространства рыдающимъ гудомъ: направо, налѣво, впередъ и назадъ; нападали на носъ, на корму, на бока парохода; дробились пѣнами, шипами, блесками; надъ трубою взлетѣвъ, стоя искрѣ опадала; и гасла: въ рыдающемъ гудѣ; и пѣны и плески валились черезъ бортъ; опадали струею воды; перелетали по палубѣ; и — заливали калоши.

Меня одолѣла безвещность летающихъ далей: и ро-емъ, и плескомъ; вотъ носъ, зарываясь въ безобразность брызгъ, меня мчалъ — въ никуда и въ ничто: никуда и ничто не осилить; стояла горластая молвь всѣхъ нарѣчій — англійскаго, русскаго, шведскаго, датскаго! — въ визгѣ хлеставшей безмѣрности, въ выхлестахъ ночи; прошелъ молчаливо суровый матросъ на коротенькихъ ножкахъ, держа надъ собой фонарикъ — мигавшее око; мелькнули въ столбѣ неживого какого-то свѣта мнѣ прочертни мачты, канать и высоко приподнятый мостикъ, откуда крѣнилась въ пространство фигура; мелькнули — и нѣтъ ничего, кромѣ говора выхлестовъ, пьяно плясавшихъ за бортомъ вихрастами гребнями и — упавшихъ за бортъ, приподнявши его; хлестко шлепались гребни о деревянную палубу, перелетая за бортъ и отдавали со-

ленья брызги на просвистни вѣтра; и въ просвистни неся фонарикъ на мачтѣхъ средѣ рваныхъ тумановъ: ничто наступало, ничто обступало, ничто отступало: въ ничто.

.
Знаю: въ брызгами льющій, въ холодный, въ соленый просторъ низлетаю извѣчно изъ брызгъ рокового простора; въ каютѣ-компаніи я проживалъ, какъ и всѣ,—тамъ: подѣ малою палубою, отдѣляющей жизнь отъ ничто; я сошелъ подѣ покровы тѣлесности; и — подѣ палубой жилъ, путешествовалъ, мыслилъ, боролся, любилъ; послѣ — умеръ: поднялся по лѣсенкѣ — посмотрѣть на дѣйствительность, отъ которой подѣ малою палубой прятались мы; и — попалъ въ послѣ-смертное: въ брызгами льющій, въ темный, взлетающій міръ изъ... такого же точно холоднаго міра: мое пребыванье въ каютѣ-компаніи — въ жизни — моментъ.

Этотъ брызжущій просвистень — просвистень міра, въ который опущено тѣло; я — вышелъ изъ тѣла.

И тѣло теперь, разлагаясь, качается въ зыби; въ неизъяснимость иныхъ измѣреній растаетъ оно.

— „Не осилить“ ...

— „Ничто“ ...

Уже проходили матросы, одинъ приподнялъ неживою рукой круглоглавыи фонарикъ; мелькнули въ лучѣхъ невысокія прочертны мачты, канаты, фигуры:

— „Насъ много!“ ...

Я понялъ, что эти фигуры — лемуры...

.

Онѣ появились давно: въ годъ войны: провожали повсюду меня — на прогулкахъ въ трамваѣ; гонялись

по Базелю, Дорнаху; я, ухватившись за Нэлли, не разъ-
озирался, спускаясь съ холма:

— „За деревьями прячется кто-то!“

Шептали деревья:

— „Насъ — много!“

Я видѣлъ фигуры: фигуры лемуровъ.

.

Я — умеръ: не здѣсь — еще въ Лондонѣ (при возвра-
щеніи на родину изъ далекаго Дорнаха): не было Лон-
дона: смерть отъ разрыва — мгновенная смерть! — бы-
ла въ Гаврѣ; и даже не въ Гаврѣ...

Я умеръ на бернскомъ вокзалѣ; мой трупъ отвезли уже
въ Дорнахъ; и Нэлли, — хоронить меня; возвращенье
на родину есть возвращенье въ старое — въ то, что
забылъ, но, что помнилось въ первые миги сознанія.

Спорилъ:

— „Близъ Бергена Я!“

Отвѣчали:

— „Нѣтъ Бергена!“

— „Нѣтъ ничего!“

— „Никого!“

Даже не было Лондона: мысль о Парижѣ и Лондонѣ
въ мигъ умиранья держалась; и наконецъ мысль зата-
яла: образы многомѣрныхъ пространствъ, закипающихъ
гудами, шипами, блесками и создающихъ въ сознанье,
привыкшемъ цѣпляться за сгустки изъ чувственныхъ об-
разовъ — впечатлѣніе моря, — возстали: —

— зарывшись
въ безобразность брызгъ я ле-
тѣлъ отъ Ньюкастля до Бергена;

шлепалось о деревянную палубу, перелетая за бортъ, все, что есть; знаю —

— Въ первое

время по смерти иллюзія ощущеній живетъ, какъ огромное тѣло, въ которомъ любой кожный пунктъ ощущая себя отстоящимъ отъ ближняго пункта на разстояніи, равномъ пространству, положенному отъ земли до луны; и всѣ пункты, тоскуя, себя сознають голосащими:

— „О!“

— „Навсегда: ничего, никого“.

Еслибы сознаніе разложенія тѣла собрать въ смутный образъ, то онъ походилъ бы на грозный ландшафтъ океана гдѣ качалась бы прошлая жизнь, улетаая, какъ лодка въ обратномъ порядкѣ до мига рожденья; — до-рожденное встало бы...

Прочертилась луна изъ за рваныхъ тумановъ: и тамъ — протуманилась даль; и вставали огромныя волны, рыдающимъ гудомъ бросая на бортъ парохода кипящіе фосфоры; приподнявъ воротникъ у пальто, принадивнувъ на лобъ засырѣвшую шляпу съ полями, брюнетикъ, еврей изъ Ньюкастля, страдающій, какъ и я, подобравшись ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня и прошлепалъ сырыми губами мнѣ на ухо:

— „Въ Россію?“

— „Да“.

— „Призваны на военную службу?“ ...

— „Да, призванъ, а вы.“

— „Тоже призванъ“ ...

Соленые выпlosки шлепнулись, фосфорѣя, съ размаху; и — промочили мнѣ ноги:

— „Ааа . . . ааа“ . . .

— „Еще долго намъ маяться“.

— „Вамъ очень долго, а мнѣ лишь до Бергена“ . . .

— „Какъ, почему“.

— „Но послушайте“ лепетала фигурка „послушайте: стыдно вамъ, взрослому человѣку спѣшить на побоище“ . . . Глазки фигуры блеснули.

Да, да: въ голосащій, въ топочущій, дующій пузырями просторъ я кидался, безумствуя, изъ мигающей пѣны: засмертные свистени, перелетая чрезъ бортъ, упали въ такіе же свистени дорожденнаго міра.

.

„Я — есмь“ послѣ смерти моей оказалось въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ „есмь“ ощущало себя до рожденья; протянуто было сознаніе къ дѣтскому тѣлу, которое вскорѣ услышало гулъ необъятности за стѣнами голубенькой дѣтской.

Такъ молніей пронизала меня моя жизнь . . .

.

И блеснула луна, озаряя безмѣрности; палуба опустѣла; я думалъ что блескъ, успокоившій все, водворившій покой (хорошо изъ внѣ жизни разсматривать бывшую жизнь.) — мысль меня утѣшающей Нэлли; мы мыслями помогаемъ покойникамъ; души ихъ, переживая міръ чувствъ, какъ ландшафты, отчетливо знаютъ, когда помогаемъ мы мыслями имъ; ихъ ландшафты души проясняются блесками мыслей о нихъ.

— „Это — Нэлли“ . . .

Луна, озарявшая все — Мысли Нэлли.

.

На мокрой поверхности палубы я прислонился къ трубѣ парохода; летали пространства рыдающимъ гудомъ: направо, налево, впередъ и назадъ; нападали на носъ, на корму, на бока парохода; дробилися пѣнами, шипами, плесками, блесками; надъ трубою взлетѣвъ, стоя искръ, опадала; и — гасла: въ рыдающемъ гудѣ; средь роевъ и плесковъ протянутый носъ парохода, кивая, бѣжалъ въ н и к у д а, гдѣ горластая молвь всѣхъ нарѣчій — англійскаго, русскаго, шведско-норвежскаго, датскаго! — слышалась явственно въ выхлестахъ ночи.

Прошелъ молчаливо суровый матросъ на коротенькихъ ножкахъ, держа круглоглавый фонарь; и — мелькнули въ столбѣ желтоватаго свѣта: мнѣ — прочертни мачты.

МОЯ БІОГРАФІЯ.

Знаю: душа, сбросивъ тѣло, впервые читаетъ, какъ книгу, свою біографію въ тѣлѣ; и видитъ, что кромѣ своей біографіи въ тѣлѣ еще существуетъ другая, которая есть біографія — собственно.

.
Знаю, что въ жизни моей ѣсть двѣ біографіи: біографія насморковъ, потребленія пищи, сваренія, прочихъ естественныхъ отправленій; считать біографію эту — моей — все равно, что считать біографіей біографію этихъ вотъ брюкъ.

Есть другая: она безпричинно вторгается снами въ безсонницу бдѣнья: когда погружаюсь я въ сонъ, то сознание вѣтаетъ за гранью разсудка, давая лишь знать о себѣ очень странными знаками; снами и сказкой.

Пересѣкаются параллельныя линіи двухъ біографій въ единственной точкѣ: въ первѣйшемъ моментѣ сознанья.

.
Его я запомнилъ: онъ — то, что въ себѣ не могу назвать сномъ; и онъ — то, что въ себѣ я не могу назвать бдѣніемъ, потому что и бдѣнье, и сонъ предполагаются обособленными; первый моментъ сознанья рисуется памятью явно отличнымъ отъ бдѣнія; сномъ я назвать не могу этотъ мигъ, потому что мнѣ не было отъ него пробужденья.

Представьте себѣ: —

— птеродактили сохранились еще на одномъ только островѣ, гдѣ-то затерянномъ въ океаническихъ даляхъ; однажды корабль подошелъ къ тому острову: маленькій мальчикъ случайно провелъ на немъ ночь: и — увидѣлъ послѣдняго гада; потомъ мальчугана нашли: онъ пытался матросамъ сказать, что съ нимъ было: матросы — не поняли; мальчикъ забылъ что онъ видѣлъ: —

— прошло много лѣтъ —

— онъ составилъ, переживая современниковъ; старцемъ уже вспомнилъ сонъ —

— безобразный драконъ оцарапалъ его, размахавшись колючками перепончатыхъ крыльевъ: и старецъ сказалъ себѣ —

— „Этого гада я гдѣ-то ужъ видѣлъ“.

Представьте себѣ: —

— его сынъ, знаменитый художникъ: нарисовалъ фантастическій образъ, надъ скалами острова —

— какъ на младенца кидается страшный драконъ, раскачавшійся въ воздухѣ зубьями перепончатыхъ крыльевъ: —

— наслѣдственность передала этотъ образъ отца, разлитой вмѣстѣ съ кровью

во всемъ организмѣ, — художни-
ку — сыну. А старецъ —
— увидѣвъ

картину дракона, напавшаго
зубьями перепончатыхъ кры-
льевъ на мальчика, —

— сталъ бы, взволнован-
ный, заговоривъ самъ
съ собою:

— „Я — видѣлъ“ . . .

— „То самое“ . . .

— „Гдѣ это было?“

И вдругъ бы — все вспомнилось. Островъ: и — ночь;
и — чудовищный гадъ, размахавшійся зубьями пере-
пончатыхъ крыльевъ; но „старецъ“ бы понялъ, что
э тому все равно не повѣрять; на островѣ памяти ста-
рецъ бы видѣлъ себя отдѣленнымъ отъ всѣхъ:

— „Я — одинъ“ . . .

— „А ужасная гадина — близко“.

.

Такъ сказочность первого мига есть быть:

— „Нѣтъ, не сонъ это все“.

И Мнѣ ясно: —

— за моремъ невнятности моего обыден-
наго сна мнѣ рисуются памятью берега континентовъ,
гдѣ въ стаѣ драконовъ, махающихъ зубьями пере-
пончатыхъ крыльевъ, живутъ „птеродактили“ па-
мяти, и предшествуютъ воспоминанію о моментахъ
обыденной жизни.

Мой мигъ — насквозь память: о чемъ? Содержаніе
памяти возникаетъ въ послѣдствіи: папа и мама, и няня,
и дядя, и тетя, и — прочее. . . Но, въ ощущеніяхъ

безпредметности, нахожу я предметами — „память“: о кругъ предметовъ, которые послѣ не встрѣтились мнѣ ни въ кошмарахъ, ни въ снахъ, ни въ реальности прозы. Такъ сны ощущаются мутью угасшаго взора, который еще по привычкѣ старается видѣть.

Они указываютъ: на содержаніе памяти; но содержаніе это — опять таки: память; на днѣ своихъ сновъ нахожу память памяти перваго мига, сонъ сна....

.

На сознаніе падаютъ мороки словъ, что родился когда-то въ Москвѣ; изъ тумановъ растетъ представленіе иллюзіи: мѣста рожденія; но я забылъ, гдѣ родился; когда разступились туманы иллюзіи, то обнаружилось: въ мѣстѣ рожденія — дыры.

И нѣтъ, не исторія жизни: мое пребыванье въ арбатской квартирѣ, гимназія, лекціи.

Я полюбилъ Метерлинка за то, что меня повернулъ на себя его міръ; пятилѣтній младенецъ міры Метерлинка носилъ я; читая „Слѣпыхъ“, чрезъ одиннадцать лѣтъ и припомнилъ: „священникъ“ завелъ меня въ дебри, и — бросилъ: въ углахъ. Метерлингъ лишь — напомнилъ... Напомнили образы вѣдьмы мнѣ: вѣдѣнныя силы, проростающихъ въ ощущеніяхъ дѣтства; и чортъ былъ чертой, за которой встрѣчалъ меня міръ; чортъ — черта: она тѣнь.

Отойдя за черту, гдѣ Само обитаетъ, за чтеніемъ „Заратустры“, я вспомнилъ что чортъ — моя самость: и черти — исчезли.

Самосознаніе вспомнило часъ, когда я прочиталъ тихій часъ Заратустры: отъ этого часа кричалъ по ночамъ.

Ницше — память о прошломъ: не знай я въ себѣ, что роилось въ сознаниі Ницше въ моментъ „Заратусты“, его бы — не понялъ я; въ чтеньѣ затеплилась: жизнь моей жизни, (какъ память о жизни, которая протекала во мнѣ до рожденья); „вліянія“ — память о собственномъ дѣйствиі; и потому-то исторія литературныхъ вліяній читается только въ обратномъ порядкѣ.

Шестнадцать лѣтъ все прочтенное перекрестилось въ точку и бросило блески впередъ и назадъ; все — отчетливѣй вспомнилось.

.

Помню: весенній денекъ; перелетаютъ отъ крыши сосѣдняго дома изъ рваныхъ тумановъ вороны: на крышу сосѣдняго дома; торчитъ вдалекѣ каланча: на ней — шаръ: это гдѣ-то пожаръ; я — начитанный отрокъ, ведущій дневникъ, застаю въ кабинетѣ отца втихомолку читающимъ книги — себя: надъ „Вопросами Философіи“ я. Переводъ Вѣры Джонстонъ. „Отрывки изъ Упанишадъ.“ Начинаю читать.

Кое что понимаю я въ Боклѣ; и понялъ я все въ „Бережливости“ Смайльса; я даже читалъ Карпентера.

А это — невнятно.

Слова перелетаютъ изъ строчекъ на душу, сквозь душу — куда? Видишь — вотъ, а понять, что рисуется тайнами словъ — невозможно; душа предо мною моя — вся сквозная.

И отрываюсь отъ чтенья: ворона — ворона-ли? Ахъ, другое какое-то все; непонятно, невидимо. . .

Было. Когда это было? Я тутъ начался; низлеталъ: изъ вотъ этой невнятицы.

Нѣтъ, никогда не входилъ въ эту комнату; нѣтъ, не развертывалъ Бокля. Не росъ, не учился; и нѣтъ —

не родился: рожденіе, ростъ, пониманіе, чтение — орнаментъ; я вижу ряды мініатюръ; вотъ все то, что себя сознавало и то, что себя сознаетъ, — занавѣска, отдернутая передъ вѣщей страницей.

Въ „Упанишадахъ“ я жилъ до рожденія.

.....

Родился для памяти съ этого мига; и, какъ безумный, стоялъ безъ единого слова; мнѣ чудился взглядъ — безъ единого слова, рождавшій меня; на себѣ съ той поры ощущалъ этотъ взглядъ я; лица устремленного взгляда не видѣлъ: и встрѣтилъ лишь послѣ.

— Оно: —

— его — нѣтъ; и „оно“
— все же есть; все,
что было со мной, все
то было во мнѣ: —

— воз-

мущеніе водъ: буря на — морѣ, — Голосъ Безмолвія:

— „Жди меня“.

— „Въ маревѣ“ . . .

— „Жди“.

— „Я — раздамся!“

.....

РАЗВИТІЕ.

„Упанишады“ наполнили душу, какъ чашу, тепломъ.

Устремленіе болѣе позднихъ годовъ начерталось Ведаитою: Упанишадами; и —

— Шопенгауэръ былъ зеркаломъ; въ немъ отразилась Веданта, такъ именно, какъ отразился въ Ведантѣ —

— Я,
Самъ.

Возвращаясь домой (изъ гимназій), я затворялъ двери комнаты: броситься духомъ въ ничто —

— и восчувствовать знаніе той стороны

Помню: дѣлая видъ, что готовлю уроки, порой замѣчалъ, что часами сижу, отдаваясь въ ничто, иль внимая полетамъ мелодій, звучащимъ мнѣ издали; я замѣчалъ, что отдача — особаго рода наука: летанья на звукахъ; —

— въ летаньяхъ на звукахъ учился я памяти: —

— „Да это — было“.

„Это“ росло, застилая все прочее; бросилъ науки; и вотъ педагоги отмѣтили, что воспитанникъ Б** — сталъ лѣнтяемъ; онъ сталъ —

—пессимистомъ,буддистомъ.

И змученный жизнью, которой учили меня, — прозрѣвалъ. Пессимизмъ былъ несознаннымъ переходомъ къ богатой, клокочущей жизни, которая вскрылась въ послѣдствіи.

.

Первые миги мои какъ бы сны: сны во снѣ; мои миги вторые — кошмары, въ которыхъ живетъ память прежняго; только въ послѣдствіи зажигаются миги, которые мнѣ становятся воспоминаніями о бывавшемъ; они вытѣсняють мнѣ первые миги, которые сны прорѣзають, какъ молніи.

.

Гдѣ критерій оцѣнки событія сновъ?

— „Никогда не бываетъ“ . . .

— „Живемъ на землѣ“ . . .

— „Не летаемъ“ . . .

— „Родимся естественнымъ образомъ“ . . .

Я попугай, повторяю за взрослыми, позабывъ факты памяти:

— „Сонъ“ . . .

— „Не летаемъ“ . . .

— „Родимся естественнымъ образомъ“ . . .

Я, опрокинувши ложные догматы, потрясенный твержу.

— „Вспомнилъ“.

— „Вижу себя: я — лечу, пересѣкая пустоты и вспоминая, что я оторвался отъ родины“

— „Было“ . . .

.

Подъ брызгами, въ выхлестахъ ночи, два мига скрестились во мнѣ: пребыванье на палубѣ парохода „Гаконъ Седьмого“; и — пребыванья въ разлетахъ загробнаго, гдѣ летѣлъ, огибая тѣлесную жизнь, въ правду перваго мига; стихіи, какъ звѣздное небо, объемлють рожденіе и смерть; и изъ смерти видна намъ тропа нашихъ странствій до мига рожденія.

Пароходикъ! Корма — мигъ рожденія; носъ — заостреніе въ смерть; я забѣгалъ по палубѣ: отъ рожденія до смерти; и — повернулся назадъ: за кормою я видѣлъ, что —

— пѣны плевались, слагаясь въ бѣлоусые гребни; и — шлепались въ палубу; дали за ними ходили: рыдающимъ гудомъ и мощными массами; изъ тумановъ бѣжала луна; фосфорѣющимъ блескомъ узоры орнаментовъ строились —

— эти орнаменты мы рисовали когда-то, какъ просвѣты черезъ миги сознанія —

— строились жизни загробныхъ и до-рожденныхъ міровъ.

Біографическая дѣйствительность до вступленія моего на пароходикъ „Гаконъ“ рисовала меня: малымъ мальчикомъ, гимназистомъ, студентомъ, писателемъ, „дорнахцемъ“, „лондонцемъ“, наконецъ, — пассажиромъ на палубѣ парохода „Гаконъ“, откуда открылось: —

— все —
вздоръ: біографія начинается съ

памяти о летаніяхъ въ космосъ:
мощными массами —

— какъ летаютъ
огромными, мощными массами
волны —

— дальнѣйшее: на-
вы-
ки, кодексъ понятій,
искусственно создан-
ный, какъ привычка
сосать каучукъ,—

— воз-
никало, какъ память о жизни сознанія,
заключеннаго подъ сырою, луганскою
шляпой, гуляющей здѣсь: эта память о
жизни — фантазія: память о томъ, чего
не было . . . —

— Что жъ было? —

— Без-

вещность летающихъ далей, гдѣ носъ парохода, зарыв-
шись въ безуміе брызгъ, уносилъ: въ н и к у д а , про-
кричавшее роемъ нарѣчій: направо, налево, впередъ и
назадъ. . . —

— Я спустился въ каюту-кампанію, легъ на
диванъ: накрѣнялась стѣна: все трещало, отчаянно хло-
пали двери: направо, налево; шатаяся, шла блѣдноли-
цая дама, подпрыгнула, ухватилась за столъ: и стреми-
тельно понеслась прямо въ дверь надъ стремительно
изъ подъ ногъ убѣгающимъ поломъ.

Дверь хлопнула.

Лампы качались: графинчикъ съ водою подскакивалъ;
ноги мои высоко возлетали, неравномѣрно качаясь;
потомъ упали; подъ ложечкой странно пустѣло: мор-
ская болѣзнь!

Г Д Ъ „Я“?

Ощущаю толчки: пробужденія, припоминанья о старомъ; —

— отъ нихъ осыпается все, чему учать —

— прихо-
дятъ не спроста; иную зависимость чую въ событіяхъ я;
не умѣю я складывать буквы событій въ слова: поражаетъ еще начертаніе знаковъ.

Пока я живу очень смутною мыслью о фактѣ, котораго не было: жду его годы: и вотъ —

— проясняется
прошлое, непрояснимое прошлымъ. Событіе „фактовъ“, влетающихъ въ жизнь, точно взрывы во мнѣ; безпричинный, мгновенный разрывъ объясняетъ прошедшее; и причина приходитъ позднѣй ея дѣйствій, которыя — рокъ: стѣны жизни качаются.

.

На пароходѣ „Гаконѣ“ — свершился чудовищный взрывъ: разлетѣлись отъ дѣйствія мысли моей проскрипѣвшія стѣны „каюты-компаніи“, столъ, за которымъ сидѣли —

— сѣдѣющій шведъ,

— два еврея,

— курьеры,
— брюнетъ, —

— закурился въ прищуренномъ взорѣ моемъ, разлагаясь на пляску летающихъ линій, кипящихъ въ моей медитаціи, залетали рыдающимъ гудомъ: направо, налево; „буль-буль“; — кипятился во мнѣ мой пространственный обликъ: „хлопъ“ — лопнулъ. „Буль-буль“ кипятился норвежець: и лопнулъ — „хлопъ.“ —

— истинно: — всѣ восторги, всѣ ужасы, —
лишь осадки моихъ всекипящихъ сознаній; совершались они въ глубинѣ моей личности; выпали — послѣ во мнѣ, когда личность во мнѣ разлетѣлась на части: —

— мальчишки меня

подбирали на улицѣ!

.

Да: катастрофа Европы и взрывъ моей личности — то же событіе: да — я прообразъ; во мнѣ — нѣчто странное: храмъ Чело Вѣка.

Можетъ быть, „Я“ единственный въ нашей эпохѣ дѣйствительно подошелъ къ... жизни въ „Я“. Удивительно-ли, что мое появленіе въ Швейцаріи, Франціи, Англіи, порождало тревоги и ужасъ. „Они“ — смутно чужды...

„Я“ и весь міръ — пересѣклись во мнѣ.

Соединеніе съ космосомъ совершилось во мнѣ; мысли міра спустились — до плечъ; лишь до плечъ „Я“ — свой собственный: съ плечъ поднимается куполъ небесный.

Я собственный черепъ, снявъ съ плечъ, поднимаю, какъ скипетръ, рукою моею.

ПЕРЕДЪ БЕРГЕНОМЪ.

Ставангенъ.

Прибрежье зеленыхъ горбовъ, и — промойныя трещины въ очертни старыхъ боковъ, округленно слетающихъ къ струямъ, — купаться въ сквозной живолетъ переблесковъ и въ лепеты разговорчивой влаги — прибрежье летѣло, неся на горбѣ просинь сосень и яркіе запахи смоль оголенныхъ стволовъ.

Распахнулся фіордъ, принимая сырѣйшія прѣлости моря, заторами мертвыхъ плотовъ и затонами бревенъ; вотъ прочертень красной кормы парохода, взревѣвшаго въ запахи соли и смѣси вѣтровъ; пароходъ, задрожавши, шелъ въ море, чтобъ, можетъ быть, въ морѣ наткнуться на мину; стояли норвежцы, кивая ушастыми шапками; фыркалъ дымокъ раскуряемыхъ трубокъ; и я, и товарищъ махнули платками:

— „Го, го“.

— „Добрый путь“.

— „Не наткнитесь на мину!“

Уже потянуло испорченной рыбой.

Ставангенъ.

.

Внимали мы вѣющимъ лепетамъ водъ, засмотрѣлись во все бирюзовое, что крѣпчало лазурями; крѣпло — окрѣпло; и — стало: сіятельной синькой: сказали друг

другу о томъ, чего нѣтъ: закачались въ разрѣзахъ фіорда, прошедшаго къ Бергену; —

— въ громкомъ, настойчивомъ говорѣ всѣхъ пассажировъ, пріятно взволнованныхъ тѣмъ, что прошли безъ несчастій въ спокойныя воды фіорда; и вѣяли дамы разлетами синихъ и палевыхъ шалей на насъ; два высокихъ шотландца приблизились, фыркнули трубками.

— „Га“.

— „Это — онъ“.

— „Онъ — опять появился“.

— „Олл-райтъ“ ...

Закачались на лепетахъ тихо озыбленныхъ водъ, оставляя крутою кормою ярчайшія полосы; и — огибали облупины каменистыхъ подножій; въ лазуревомъ утрѣ пошли острова, островки, обрастая гребнистой щетиной, и — вѣя смолою; за нами уже раскроилась земля гдѣ-то издали: красными кровлями —

— Бергена,

мнѣ сошедшаго свыше три года назадъ ...

.

Здѣсь три года назадъ совершился мой „мигъ“, разрывающій все, раздавался какъ солнечный міръ, освѣтляющій все; и — отсюда слетѣло огромное что-то въ меня: во мнѣ жило, любило меня; и — раскинулись кущи, гдѣ я пребывалъ сорокъ восемь часовъ и откуда прошелъ я дивясь и радуясь миссіи, мнѣ предначертанной, — въ тайныя вечера; благословилъ Копенгагенъ меня; мы торжественнымъ шествіемъ проходили Берлинъ: въ мои ночи — въ саду Геосиманскомъ —

— и послѣ —

— упала колючая участь, терзая чело; тотъ вѣнецъ я надѣлъ въ

дни паденья Варшавы и Бреста; приподнялъ свой крестъ; и — безропотно нынѣ несу его Родинѣ; тамъ, водрузивши, отдамъ мое тѣло приставленнымъ воинамъ; посерединѣ арбатской квартиры повисну, уставившись глазъ остеклѣлою впадиной — въ темени.

.

— „Бергенъ! Ты — горы, огромныя горы Өавора, сошествіе Духа во мнѣ... Освѣтилъ, опустился изъ воздуха: Бергенъ!“

.

Прошли острова, островки; ужъ раскроины почвъ, набѣгая, распались на красныя кровли; лѣсъ мачтъ, накрепченныя трубы, какая-то пакля канатовъ; и — домики, домики, домики отовсюду стояли квадратами, какъ... подбородки норвежцевъ, глядѣвшихъ на насъ изъ толпы проходимцевъ и шкиперовъ.

Вотъ—переброшенъ канатъ; перекинуты сходни; и—сходимъ, толкая другъ друга: тюками, кардонками и боками глухихъ чемодановъ — въ горластую молвь всѣхъ нарѣчій: англійскаго, русскаго, шведско-норвежскаго, датскаго, въ пересыпь изъ матросовъ всѣхъ странъ, соглядатаевъ, спекулянтовъ, воровъ, коммерсантовъ, агентовъ.

.

— Такъ „Я“ въ багряницѣ, въ терновомъ вѣнцѣ проносилъ на плечахъ кипарисовый крестъ съ парохода „Г а к о н а“ — вдоль гавани —
— въ
городъ.

ТРИ ГОДА НАЗАДЪ.

Никогда не забуду.

Мы ѣхали изъ Христіаніи въ Бергенъ: три года назадъ — въ сухолистіяхъ осени; въ дни, когда въ насъ созрѣвали плоды многолѣтнихъ стремленій...

Уже съ Христіаніи раздавались холмы, поднимаясь — въ горбы; громоздились они; ошетинились свѣше лѣсами; семья многохолмій возвысилась въ міръ многогорбій, въ которомъ, ощерясь ущельемъ, садились горбы на холмы; многорослымъ объемомъ приподнятыхъ горъ пообставились промутни дальнихъ прозоровъ; и — стойкими высями высились въ воздухъ гранныя массы; —

— уже въ Христіаніи мысль облетала, обвѣялась; и — свѣявъ мнѣ подъ ноги жизнь сухомыслія, высились смыслы въ мірахъ много-образій; я изъ ущелія плоти прошелъ: въ непомѣрный объемъ раздававшихся истинъ до — дальнихъ прозоровъ о судьбахъ моихъ; —

— и возвысились цѣли, подъятыя къ небу (гигантомъ) въ столѣтіяхъ времени; вотъ —

— Кто-то Древній,

поднявъ изъ за міра моихъ пре-
возвышенныхъ мыслей —

— свой

Ликъ —

— Поглядѣлъ въ мое сердце;
и въ немъ отразился, какъ
въ озерѣ, съ кручи; я ви-
дѣлъ Его отраженіе во
мнѣ; и къ себѣ самому
припадая, коснулся я Ли-
ка; —

— но въ ряби сер-
дечныхъ волненій
сіяющій Ликъ раз-
дробился во мнѣ
милліонами блес-
ковъ . . . —

— огром-

ная поросль лѣсовъ, шелестя сухолистьемъ, открыла
краснѣвшую недоросль мховъ и суровыхъ безлистій;
уже облетали лѣсами всѣ твердыя толщи склоненныхъ
преклоновъ: стояли сплошные гиганты каменьями вре-
мени; и далекій зубецъ, —

— какъ сіяющій клыкъ —

— про-

бѣлѣлъ надъ отвѣсомъ; и — скрылся; другой; и — по-
всюду надъ твердыми толщами яснились снѣжные зубы:
въ лазури; свѣтло и зубчато смѣялась окрестность, при-
двинувшись къ поѣзду граннымъ отвѣсомъ; ползли лед-
ники, провисая серебряной массой по смутнымъ усту-
памъ: —

— вотъ тутъ появилась сестра, постигавшая тай-

ны мистерій; она говорила о томъ, что: —

— воз-

высились цѣли въ столѣтіяхъ времени;
и — поглядѣла мнѣ въ сердце; ея
ослѣпительныйвзглядъ посрединѣ разъ-
ятаго сердца зажегъ мое Солнце; и я,
припадая къ себѣ Самому, припадалъ
не къ себѣ Самому; —

— въ то мгнове-

нье прошелъ по вагону кондукторъ, оповѣщая, что мы
въ высшей точкѣ подъема отъ Христіаніи къ Бергену;
насъ защемило ущелье; и — грохотно удушало туннелями;
въ вылетахъ — въ воздухѣ висли вагоны, несясь къ
остановкѣ.

И вотъ — остановка; и вотъ, цѣпенѣя въ незвучіяхъ
свѣта, стояли вагоны; сбѣжали изъ поѣзда: къ синему
озеру; ноги хрустѣли ледкомъ; мы приподняли рогъ мо-
лодого оленя, здѣсь сброшенный; грудь обжигало озо-
номъ; въ груди же стояло:

— „Узналъ тебя: „Я“.

— „Ты — сошелъ мнѣ изъ воздуха“.

— „Ты — освѣтилъ мнѣ“ ...

— „Ты — шествіе въ горы“.

— „Ты — горы“.

— „Сошествіе Духа во мнѣ“... —

— Но — звонокъ;

поѣздъ тронулся; дальше вагоны бѣжали по воздуху;
въ грохотно бившемъ туннелѣ давились мы дымами;
щелкали стекла вагоновъ, взлетая; и — падая въ выле-
тахъ; снѣжная линія —

— приподнялась; и—прощально гля-
дѣла намъ вслѣдъ; и — по-

слѣдній зубецъ, какъ воздуш-
ный, сіяющій клыкъ, тамъ ос-
клабился свыше: за пятнами про-
мути; —

— тамъ прозирались дож-
ди въ непрозорной дали; снова: стойкими высями выси-
лись въ воздухѣ гранныя массы; торчали безснѣжныя
плѣши; и малый кусточекъ уже подбирался на лобъ
гололобой скалы: подобрался; и линія красныхъ лѣсовъ
возошла по уступамъ, облекши міры многогорбій въ
свою багряницу — надъ синимъ фіордомъ; слетали мы
къ Бергену; міръ многозубій мягчился, круглясь много-
горбіемъ; скоро уже побѣжало нелѣпіе крышъ въ ве-
лелѣпіе горъ: —

— такъ прибыли въ Бергенъ три года
назадъ.

И уже солонѣли вѣтра.

Гдѣ все это?

БЕРГЕНЪ.

Нынѣ Бергенъ центральнѣйшій узелъ сношеній между Россіей и Англіей, гдѣ съ послѣдняго парохода бѣгутъ, чтобъ визоровать паспортъ, иль — получить на проѣздъ въ третьемъ классѣ одну или двѣ сотни кронъ: —

— тотъ подтянутый франтикъ въ огромнѣйшей шляпѣ съ полями (навѣрное, русскій, хотя обитатель Италіи), старый, пейсатый, еврей съ изможденнымъ лицомъ Іереміи, моргающій красными глазками въ солонѣющій вѣтеръ, матросы, солдаты — все русскіе! — слышалъ родную я рѣчь, наблюдалъ я солдатскія лица: стоялъ перекошенный рядъ металлическихъ трубъ надъ боками крутыхъ пароходовъ, сроившихся въ гавани — красныхъ, зеленыхъ, оранжевыхъ, сѣрыхъ и черныхъ, лѣсъ мачтъ; и — какая то пакля канатовъ; прошелъ круглоглавый лопарь на коротенькихъ ножкахъ, сѣрѣя чешуйчатымъ коростомъ не смываемой грязи; глядѣли квадраты глухихъ подбородковъ, поросшіе войлокомъ.

Вотъ и торговая улица; преткновенье людей, толчея, горлатня; окна лавокъ; — воняли кислятиной башенки рыбныхъ жестянокъ.

И „Эриксенъ“, вывѣска, вѣроятно, висѣла здѣсь; коли не здѣсь, такъ — по близости гдѣ-нибудь; не

обойдутся без вывѣски „Эриксенъ“ громкія лавки норвежскаго порта; —

— и Эриксенъ здѣсь же расхаживаль: онъ — съ серьгою въ широко разставленномъ ухѣ; курилъ свою трубочку, въ... желточайшемъ жилетѣ, болтающемъ камушки цвѣтоглазой цѣпочки часовъ; онъ съ фру Эриксенъ: миловидной блондиночкой, во всемъ вязанномъ; и — такого зеленаго цвѣта, что больно глядѣть: зеленѣе зеленой травы, зеленѣе зеленаго моря; тотъ цвѣтъ — цвѣтъ Норвегіи; ткани, вязанья — такого зеленаго цвѣта, что больно глядѣть; —

— голубое и желтое иногда со вплетеніемъ красныхъ полосочекъ — Швеція (шведы такъ много ѣдятъ, что...).

Да, „Эриксенъ“, „Эриксенъ“ — я не только читаль про него: я и видѣлъ его; это вѣрно, какъ то, что на улицахъ Копенгагена попадается „Андерсенъ“: и живетъ припѣваячи, въ датскомъ мѣстѣчкѣ; что въ Даніи „Андерсенъ“, то здѣсь „Эриксенъ“; онъ развѣсилъ пестрѣйшія вывѣски: въ Бергенѣ, Христіаніи, Гетеборгѣ, Трондгеймѣ... Торгуеть: пенькою, канатами, ворванью, сельдью; и — гонить по рѣкамъ стволы обезвѣтвленныхъ сосенъ: въ окошкѣ летящаго поѣзда можете вы наблюдать: передвиженіе сосновыхъ стволовъ по рѣкѣ — до затора, откуда ихъ крючьями тянетъ, крахтя къ каменистому берегу, можетъ быть финнъ, или даже сѣдой, круглоглавыи лопарь на коротенькихъ выгнутыхъ ножкахъ, —

— сосновыя бревна по рѣкамъ Норвегіи гонить опять таки, Эриксенъ... Гамсунъ — писалъ о немъ. Я — его видѣлъ.

То — Бергенъ: и здѣсь, какъ и въ Лондонѣ, гнались за мною „о н и“; хохотали „о н и“ надо мною; горластая молвь всѣхъ нарѣчій уже раскричалась: направо, налѣво, впередъ и вокругъ.

Мнѣ казалось, что этотъ прохожій шатунъ въ морской шляпѣ и въ кожаныхъ брюкахъ, раздвинувшій ротъ, на меня прокричалъ желтозубіемъ, свиснувши въ вышибень:

— „Посмотрите-ка“.

— „О н ъ“ ...

Генрикъ Ибсенъ, надвинувъ на лобъ старомодную шляпу, на эти нахальные крики стремительно выскочилъ изъ дрянной рестораціи, посмотрѣвъ саркастически:

— „Здѣсь о н ъ принялъ когда-то вѣнецъ...“

— „Здѣсь стоялъ, простирая, какъ царь, свои руки“.

— „И воздвигалъ свои храмы...“

Кричалъ Генрикъ Ибсенъ, махая огромнѣйшимъ зонтикомъ:

— „Посмотрите же“.

— „Тащится“.

— „Погоняемый стражами“.

И глядѣли сурово квадраты глухихъ подбородковъ, поросшіе войлокомъ:

— „Нука“.

— „Спаси себя“.

Я же отвѣтствовалъ:

— „Да“.

— „Я для васъ тутъ тащусь“.

— „Я для васъ бросилъ храмъ, гдѣ подъ куполомъ стаивалъ съ молоткомъ, подъ рѣзной пентаграммой“ ...

- „Я врѣзалъ себя — навсегда: въ
слои дерева“.
- Нынѣ: челомъ восходящаго Вѣка
стою передъ вами.

И я проходилъ мимо всѣхъ въ закоулки. Естественно
перерождаемся мы: перерожденіе я подсмотрѣлъ; отъ
исхода его, можетъ быть все зависить: поспѣшное окон-
чаніе войны, миръ Европы, иль — Гибель Европы:

- „Да, да.“
- „Это — „Я“.“
- „Я“ во мнѣ“.

П Л О Щ А Д Ь.

Площадь — та самая, гдѣ три года назадъ я стоялъ и смотрѣлъ на оглавы вершинъ: вотъ она. Но оглавы теперь занавѣсились тучами, черезъ которыя косо прорѣзался лучъ преклоненнаго солнца: —

— здѣсь жизнь пролетѣла, обвѣясь: возвысились смыслы въ громадный объемъ раздававшихся истинъ: до дальнихъ прозоровъ о судьбахъ моихъ; возвышались цѣли моихъ устремленій въ разгонахъ временъ, по которымъ я видѣлъ порою плывущимъ себя въ утлой лодочкѣ тѣла; порою — летящимъ за сферу луны, мимо диска духовнаго Солнца, до Марса — къ полуночи, чтобъ въ полуночи, остановившись въ Видѣніи Храма, — низвергнуться снова: и строить себѣ новый Храмъ; чтобы тамъ, въ храмѣ Тѣла, подслушивать дѣйствіе —

— „Я“ —

— въ его собственномъ сердцѣ; и видѣть Его отраженіе во мнѣ; и къ себѣ самому припадать.

.

Великолѣпно изваяно тѣло мое: прихотливо сплетаются въ немъ электронные пункты: въ собраніе атомовъ, въ молекулярныя общины, въ города органическихъ клѣтокъ, въ огромныя націи тканей, слагающихъ орга-

низмъ клѣтокъ человѣчества: „Я“ — царь вселенной, возводится всѣми клѣтками тѣла, — по лѣстницѣ міра: на тронъ. —

— Помѣщается тронъ моего человѣчества между глазами: подъ лобною костью; — и — мечутся толпы дичайшихъ существъ, образуя кишенье творимаго космоса, между уступовъ — костей, пробѣгая пещерами костныхъ продолблинъ, крича и метаясь:

Иду, золотымъ фонаремъ созная освѣщаю свой путь; (изъ вечернихъ тумановъ вхожу я въ пещеры) меня окружаетъ — убогій, дичающій родъ, непрерывно дѣлящійся и ядущій себя; выбѣгаетъ толпа niskорослыхъ уродовъ и — отступаетъ отъ свѣта; поставилъ фонарь, и въ колеблемый тѣнями кругъ, проступили, сѣрѣя, суровыя лица: —

— „Куда ты“.

— „На родину“.

— „Гдѣ твоя родина?“

— „Тамъ гдѣ стоитъ пустой храмъ.“

— „Мы все ждемъ, что туда пройдетъ Онъ.“

— „Кто вашъ Онъ?“

— „Богъ сошедшій изъ неба, — средь насъ воплощенный.“

— „Вы — ждете его?“

— „Ждемъ: не видѣлъ-ли ты Его?“ ...

— „Знаю Его.“ —

— Царь вселенной возводится нынѣ на тронъ: межъ глазами, подъ лобною костью!

.

Въ развитіи есть потрясающій мигъ, когда „Я“, —

— низ-

вергается съ трона (подъ черепомъ), разрываясь на

милліоны сознаний; невѣроятное переживанье себя мириадами „Я“ уподобляемо быстрому погасанью сознания: Раскричалось изъ пальца руки: —

— „Я“
— „Я“
— „Я“ —

— раскричится
изъ ногъ: —

— тронъ разбить; въ головѣ моей пусто: она есть покинутый храмъ; „Я“ — въ терновомъ вѣнцѣ, въ багряницѣ, воздѣвши фонарь, забродило: по собственнымъ жиламъ и, научаетъ сознанию толпы слѣпыхъ фагоцитовъ.

.

Все —

— клѣточки, клѣточки, домики!

Между нихъ переулками бѣгаютъ хитрыя стаи бациллъ, нападая на строй фагоцитныхъ отрядовъ; влекутъ лейкоциты какія-то тяжести черезъ сѣть капилляровъ: отъ бездны желудка, до... солнечной площади Сердца; синѣетъ, синѣетъ, и стало — все синимъ: попалъ въ свои вены; опять ничего не пойму, потому что понять невозможно: какъ это случилось, что „Я“, провалившись въ себя, перелетѣло пустоты, его отдѣлявшія отъ сознания клѣточки; и — стало клѣточкой: —

— что

ощущала та клѣточка, надъ которою совершилось сошествіе „Я?“ —

— вѣроятно она ощущала, что Кто-то, Старинный и Милый, свергался изъ бездны временъ, одѣвая душистымъ тепломъ, какъ одеждой; и — зажилъ; подъ плотяною оболочкою „Я“ — изнывало: въ коро-

тенькомъ тельцѣ на выгнутыхъ ножкахъ; тѣ малыя тѣльца безъ проку и толку дѣлились.

Такъ длилось до мига, когда провели меня въ Храмъ, возвышающійся по срединѣ сердечной, алѣющей площади; въ „Храмъ“ — увидѣлъ я книгу, которая этимъ людомъ считалась священной; и — что же —

— увидѣлъ я томъ: а на немъ красовалось заглавіе: „Я“, „эпопея“ — прочелъ: мнѣ слова пролетѣли изъ строчки; понять, что рисуется ими, — не могъ я; но я чувствовалъ: въ фагоцитной душѣ своей; вотъ — вся сквозная она. Да, я тутъ начался: низлетѣлъ я изъ этой вотъ книги: —

— въ „Я“, въ найденной Книгѣ я, старый, сѣдой фагоцитъ: начался: „Здравствуй: радуйся — „Я!“

Есть въ развитіи потрасающій мигъ, когда „Я“ сознаетъ себя Господомъ, кротко простерши пречистыя руки оно сходитъ съ красныхъ ступеней, даруя, —

— „Іоаннъ“.

— „Петръ“. —

— И

органы тѣла теперь —

— всѣ двѣнадцать — суть: —

— „Я“.

— И сойдя на вторую ступень чрезъ апостоловъ, ор-

гановъ тѣла, даруетъ всемъ градамъ —

— Я, Я! —

— „Я“ даруетъ себя всѣмъ кишачимъ въ „Я“ клѣточкамъ, толпамъ молекулъ, атомамъ.

— „Я, я.“ —

— А Тронъ мой — мой Умъ опустѣлъ, но всѣ атомы царственны: въ Іерусалимѣ творимаго тѣла: и —

— „Я“ прогудѣло по мощнымъ вселеннымъ:—

— Іуда

Меня предаетъ!

Мнѣ — быть распятымъ страшной ватагою: и — повторить для свободы творимаго міра то самое, что уже совершилось: то — путь „Чела Вѣка“. На этомъ пути посвященія — сходятъ съ Ума, чтобъ вывести изъ ада огромныя толпы чудовищъ — въ Свѣтъ Умный.

Схожденіе съ Ума — нисхожденіе голубя „Я“ на безумное; съ — ума — сшедшіе золотымъ фонаремъ озаряютъ пути допотопнымъ чудовищамъ; вочудовищившись, — открываютъ возможности вочеловѣчиться всѣмъ бацилламъ сознанія. —

— Свѣточемъ „Я“ просвѣтитъ бацилла.

Но чувствовать „Я“ царемъ міра, и чувствовать „Я“ распинаемымъ въ собственномъ тѣлѣ бациллою, слышать крикъ ярости: —

— „О“ —

— „Распните! — „Распните!“ —

Какой это ужасъ! —

— происходящее
внутри жизни сознанія кажется происходящимъ во
мнѣ: —

— „Ессе Ното!“ —

— звучить; и тебѣ начинаютъ
марещиться образы: бичеванія, заушенія, облеченія въ
багряницу, распятія: и — положенья во гробъ.

.

СУМАСШЕДШІЙ.

Отсюда когда-то я былъ вознесенъ, а усталое тѣло мое пронеслось въ Христіанію мимо льдами покрытыхъ оглавъ, мимо домиковъ Гетеборга и Мальмэ и тѣло взрывалось, ломимое духомъ.

Писали въ газетахъ изъ Бергена, что рыболовная шхуна разбилась: у Бергена. Не рыболовная шхуна разбилась, а — тѣло мое. „Я“ — сошло въ немъ съ ума —

— теперь
исполнялось грядущее; я погибающій, въ
дикихъ ватагахъ, въ себѣ, изъ себя самого
— простиралъ онѣмѣвшія руки:

— „О, Нэлли“.

— „Ты — слышишь?“

— „Ты — слушаешь?“

— „Просятъ о помощи“.

— „Около Бергена потопили корабль“.

— „О, спаси меня“.

— „Нэлли“ . . .

.

Неясныя прочертні, тѣни, ползущія черезъ улочки Бергена, всѣ оскалы раскрытыхъ дверей, перекошенный

рядъ металлическихъ трубъ; и — какая-то пакля канатовъ: —

— „Я“. —

— въ огненной мантии, здѣсь, посрединѣ взметаемой пыли, тащу кипарисовый крестъ, перекладиной мнѣ ломающій плечи — средь хохотовъ:

— „Ну-ка“.

— „Спаси себя“.

— „Ты, самозванецъ!“ — и падаю: —

— подошелъ ко кресту круглоглавый лопарь на коротенькихъ, выгнутыхъ ножкахъ; сѣрѣя чешуйчатымъ коростомъ несмываемой грязи, понесъ предо мной кипарисовый крестъ. . .

.

Очень странно; —

— блуждаю по странамъ земли (по Швейцаріи, Франціи, Англіи, Скандинавіи); и — вмѣстѣ съ тѣмъ: —

— заблуждалъ по пространствамъ творимаго космоса; я — вѣчный жидъ: —

— „Я“ —

— присутствовалъ при событіяхъ въ Палестинѣ; внималъ Его слову; стоялъ у креста; видѣлъ вихрь вознесенья; съ тѣхъ поръ заблуждалъ я по странамъ земли: —

— золотымъ фонаремъ освѣщаю свой путь; изъ тумановъ стучу въ стекла оконъ:

— „Не видали-ль вы?“

— „Не проходилъ-ли?“

— „Не звалъ-ли?“

— „Не совершалъ-ли здѣсь вечера?“ —

— А вокругъ собираются: шведъ, круглоглавыи лопарь, русскій плѣнный, бѣжавшій въ Голландію; и — вопрошаютъ:

— „Куда ты“.

Я имъ отвѣчаю:

— „Туда, куда вамъ не пройти“.

Старый шведъ, подмигнувъ лопарю, вопрошаетъ опять:

— „А скажи-ка, гдѣ домъ твой“.

Я имъ отвѣчаю:

— „Мой домъ, гдѣ васъ нѣтъ, лицемѣры“.

.
Двѣ родины перекрестились во мнѣ: перекрестность путей — тяжкій крестъ; моя родина — братство народовъ. Найду-ли ее?

.
Въ багряницѣ я вижу себя проходящимъ по Бергену: въ сопровожденіи... лопаря — на вокзалъ.

.
Вотъ — вокзалъ.

Полосатыми чемоданами, роемъ телѣжекъ, носильщиковъ, кассами, гомономъ встрѣтилъ: —

— да, я уѣз-

жаю —

— Куда? —

— Въ городъ Солнца: на родину. —

— Тѣло мое, обезумѣвши, быстро помчится, какъ въ пропасть летя-

щій, отяжелѣвшій, безчувственный комъ — въ прозіявшія дыры могилъ; проволокутъ его, завернувъ въ пелены, точно куклу, — въ могилы. Мой духъ невещественно протечетъ надъ катимымъ на родину тѣломъ въ міры моей мысли, которые — отблески солнца: Его! Но въ могилѣ, на родинѣ, въ русской землѣ, мое тѣло, какъ бомба, взорветъ все, что есть; и — огромною атмосферою свѣта поднимется надъ городами Россіи; глава дымовая моя приметъ „Я“, или Солнце, которое свергнется: — „Ей, гряди Господь“.

1919 года, январь.